

О. Т. Богомолов⁴

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Сегодня многие начинают задумываться над тем, как скажется глобальный экономический кризис на

культурном и духовном наследстве земной цивилизации. Станет ли человечество мудрей, сделав выводы из охвативших мир экономических потрясений? И готовы ли политические лидеры учиться на опыте нынешнего, самого глубокого за послевоенное время кризиса? Ведь дело не сводится только к оздоровлению глобальной экономики и финансов. В преодолении кризиса и недопущении его повторения многое будут определять господствующие идеологические доктрины, государственная политика, состояние общественного сознания, профессионализм и добросовестность работников управленческого аппарата, дееспособность демократических институтов. Нельзя также недооценивать исключительно важную роль науки, образования, духовно-нравственного климата в обществе, творческого по-

⁴ Академик Российской академии наук, советник РАН, руководитель исследовательского проекта РАН «Взаимодействие экономики и общественной среды», заведующий кафедрой мировой экономики Государственного университета управления, доктор экономических наук, профессор. Автор свыше 700 научных публикаций, в т. ч. книг: «Реформы глазами американских и российских ученых», «Реформы в зеркале международных сравнений», «Моя летопись переходного времени», «Раздумья о былом и насущном», «Мировая экономика в век глобализации». Почетный президент Международной ассоциации экономических наук, член Болгарской академии наук, почетный профессор Будапештского университета.

тенциала и общей культуры интеллектуальной элиты. Какие перемены назревают в неэкономических сферах общественной жизни?

Решающее значение для будущего благополучия людей приобретает умножение человеческого капитала: другими словами, знания, умения, здоровья, общей и поведенческой культуры членов общества в каждой стране. Не менее важно укреплять доверие людей к власти, их уверенность в справедливости и жизнеспособности общественного устройства, обеспечивать сплоченность общества, наконец, способствовать активной гражданской и патриотической позиции граждан. Иначе говоря, наращивать и социальный капитал в странах мира.

Представляется, что ряд политических деятелей и ученых начинают под влиянием кризиса намечать стратегические перемены в этих областях. Показательно, что новая американская администрация не ограничилась в борьбе с кризисом мерами по санации кредитно-банковских и страховых институтов, включая национализацию де-факто некоторых из них. Не ограничилась предоставлением крупных кредитов ряду терпящих банкротство корпораций, налоговыми льготами и другими мерами по увеличению покупательной способности населения. Она включила в антикризисную программу реформы в социально значимых областях. Среди них на одном из первых мест — создание с помощью государства новых рабочих мест, повышение уровня образования и охраны здоровья населения, совершенствование пенсионной системы, стимулирование инноваций, повышение моральной ответственности бизнеса. Б. Обама, в частности, заявил: «Мы дадим людям работу на строительстве школ, лабораторий, библиотек, чтобы наши дети могли конкурировать с любым работником в мире». А выступая в Национальной академии наук, подчеркнул: «Сегодня наука больше, чем когда либо раньше, нужна для нашего благосостояния, нашей безопасности, нашего здоровья, сохранения нашей окружающей среды и нашего качества жизни».

Президент Франции Н. Саркози объявил о намерении государства прибегнуть к займам у частного бизнеса, чтобы направить на финансирование образования и науки 35 млрд евро. Он мотивировал это необходимостью вывода Франции, ее молодого поколения на высший мировой уровень знаний и конкурентоспособности. Подобные усилия по поддержке науки и образования предпринимает и Китай.

К сожалению, инерция либерального мышления все еще сильна в головах российских политиков. Дефицит бюджета, возникший в условиях резкого падения производства и огромных вливаний денег для спасения крупных банков и предприятий, толкает их на сокращение государственных ассигнований на академическую науку, культуру, отказ от повышения оплаты труда ученых, педагогов, деятелей культуры, медицинских работников. Это плохо согласуется с задачами модернизации экономики и общественного устройства на основе инноваций.

В кризисных условиях дерегулирование, упование на невидимую руку рынка все явственнее демонстрируют свою ущербность. На Западе и в России на это давно указывали видные экономисты, начиная

с Джона Мейнарда Кейнса, выдвигавшие альтернативные идеи функционирования капиталистической экономики. К сожалению, основное течение экономической мысли пошло по другому руслу. Господствующим стал либеральный фундаментализм. Его и восприняли, не без зарубежных советов, российские реформаторы.

Сегодняшняя ситуация в экономике ведущих стран Запада, как, впрочем, и во всем мировом хозяйстве, заставляет пересматривать сложившиеся взгляды. «Рыночный фундаментализм *laissez-faire* последних 20 лет драматически провалил экзамен», — говорится в докладе ЮНКТАД «Глобальный экономический кризис: системные провалы и мультилатеральные средства лечения»¹. Даже из лагеря убежденных либералов все громче раздаются критические голоса. Показательны в этом отношении публикации журнала «Экономист».

В октябрьском номере 2008 года он иронизировал по поводу отступничества от либеральной доктрины президента Франции Н. Саркози, печатая карикатуру на него с томом «Капитала» К. Маркса в руках. Действительно, на саммите ЕС в октябре 2008 года Н. Саркози признал, что ультралиберальный капитализм себя дискредитировал и миру нужна рыночная социальная модель². А в следующем номере журнал помещает специальный доклад «Когда фортуна nahmuriла брови», в котором допускает перемены в капиталистическом мироустройстве.

В нем, в частности, говорится: «Предсказывать последствия незавершившегося кризиса опасно. Но уже ясно, что даже в условиях отсутствия катастрофы направление глобализации изменится. В течение последних двух десятилетий ее ход совпадал с усиливающимся интеллектуальным влиянием англосаксонской модели капитализма свободного рынка. Глобальная интеграция явилась по большей части триумфом рынка над государством... Теперь баланс между ними сдвигается, причем не только в сфере финансов»³. «Уолл-стрит, — говорится далее, — оказался в центре нынешнего кризиса, так что статус Америки и ее интеллектуальный авторитет резко упали»⁴. «Больше, чем в новом капитализме, — говорится в заключение доклада, — мир нуждается в новом мультилатерализме»⁵.

Говоря проще, за этим мудреным словом скрывается допустимость, помимо либеральной, других моделей развития современной экономики, в которых на государство возлагается большая регулирующая роль. В январском номере 2010 года журнал поясняет свою мысль: «Мир наблюдает за восходом нового экономического гибрида, который мог бы быть назван “государственный капитализм”»⁶. В этом отношении весьма поучителен опыт скандинавских государств, где социальная ориентация рыночного хозяйства и государственной политики практикуется

¹ The Global Economic Crisis: System Failures and Multilateral Remedies. N. Y., 2009. P. III.

² The Economist. October 4. 2008. P. 2.

³ A special report on the world economy // The Economist. October 11. 2008. P. 6.

⁴ Ibid. P. 33.

⁵ Ibid.

⁶ The Economist. January 23–29. 2010. P. 22.

многие годы, и достаточно успешно. В этом направлении эволюционируют и другие европейские страны, например Франция.

Стоит сослаться еще на одного автора — известного французского экономиста и государственного деятеля Жака Аттали. В своей новой книге «Мировой экономический кризис. А что дальше?» он отмечает, что «человечество вползло в депрессию планетарного масштаба, пожалуй, самую тяжелую ныне за последние 80 лет» и что это одновременно и «кризис социальный, идеологический и политический, обнаживший несостоятельность неоллиберальных концепций, которые носят недемократический характер».

«Либеральная идеология, — подчеркивает Аттали, — на службе ничтожного меньшинства, особенно если учесть, что в конце 2008 года, как, впрочем, и в предыдущие годы, многие миллиарды долларов пошли на бонусы банкирам. А ведь идеология должна отражать интересы самых бедных людей и будущих поколений... Небольшая группа людей, не производящая богатств, захватывает... безо всякого контроля со стороны, важнейшую часть произведенных мировых ценностей. А потом она же, разграбив все, что можно, заставляет расплачиваться за свои неслыханные прибыли, премии, надбавки и бонусы налогоплательщиков, трудящихся по найму, потребителей, предпринимателей и вкладчиков, подталкивая государства изыскивать в течение нескольких дней огромные суммы для латания дыр»¹.

Недостаточно объяснять свалившиеся на людей беды раздуванием финансово-кредитного пузыря в США, который, лопнув, втянул в кризис и другие страны. Несомненно, США оказались наиболее наглядным примером изъянов неоллиберальной модели рыночной экономики. Однако глобальный кризис имеет не только американские корни. Во многих других странах отсутствовало надлежащее регулирование рынка, существовали устойчивые диспропорции между денежными и товарными потоками, недооценивалась роль науки, образования, здравоохранения, культуры, состояния нравственности, игнорировалась социальная справедливость.

Отрадно, что уже началось обсуждение на встречах лидеров ЕС и «Большой двадцатки» новой архитектуры мировой финансовой системы и коллективных действий государств по обузданию разрушительных стихийных процессов и обеспечению стабильности глобального рынка. Достаточно ли этого, тем более что у США и ЕС различаются взгляды на будущее стареющего капитализма? Можно предположить, что США в конечном счете предпочтут ограничиться частичной корректировкой существующей системы, тогда как европейцы продолжают поиск новой парадигмы постиндустриального развития.

О достижении нижней точки экономического спада и признаках оживления принято судить по показателям валового внутреннего продукта (ВВП). Однако прирост ВВП часто не сопровождается улучшением занятости, демографических показателей рождаемости и смертности, здоровья населения, пенсионного обеспечения, повышением жизненного уровня основной массы населения, снижением инфляции, подъемом культуры, науки, образования и т. д. Между тем состояние именно этих сторон жизни общества должно служить важнейшим индикатором наличия кризиса или оживления в экономике.

Это побудило президента Франции поручить комиссии экономистов под руководством нобелевских лауреатов Джозефа Стиглица и Амартии Сена изучить адекватность показателя ВВП как центрального ориентира в оценке экономической ситуации и результатов предпринимаемых правительством антикризисных мер. По итогам работы Дж. Стиглиц заявил: «То, что мы измеряем, влияет на то, что мы делаем. Если у нас неверное измерение, мы будем иметь неверные результаты... Надо перестать фетишизировать ВВП и понять его ограниченность... Многие аспекты жизни общества ВВП не отражает». А президент Н. Саркози высказался в связи с этим еще определеннее: «Граждане думают, что мы лжем и приводим неправильные показатели. И они имеют основание так думать»².

Мы видим, что глобальный кризис заставляет правящие круги многое переосмысливать. Европа, Китай и ряд других стран задумываются о новой модели или парадигме экономического устройства. Не менее актуально это и для России. Конечно, открыто признать несостоятельность ультралиберальной идеологии наши реформаторы еще не готовы. Но критические настроения в России, испытавшей все прелести дикого капитализма, пожалуй, сильнее, чем где-либо. Поэтому естественно ожидать, что новые подходы в экономической политике проложат себе дорогу.

Кризис должен способствовать отрезвлению приверженцев неоллиберальной идеологии, а также признанию наличия серьезного кризиса культуры и морали в западном обществе, как, впрочем, и в российском. Представляется, что диалог между представителями различных цивилизаций и культур мог бы облегчить поиск путей преодоления кризисных явлений и оптимальных моделей посткризисного развития. Во многих странах назрела необходимость модернизации как экономического, так и общественного устройства, переоценки не оправдавших себя идей, концепций развития экономики, культуры, образования и нравственности.

¹ Аттали Ж. Мировой экономический кризис... А что дальше? СПб., 2009. С. 7, 129.

² Financial Times. 2009. September 15. 2009.